

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	44
Глава 4	64
Глава 5	86
Глава 6	104
Глава 7	123
Глава 8	140
Глава 9	159
Глава 10	181
Глава 11	201
Глава 12	219
Глава 13	238
Глава 14	256
Глава 15	278
Глава 16	295
Глава 17	315
Эпилог	339

Глава 1

Ольга проснулась в седьмом часу утра, услышав плач в детской. Встревожилась: юный Драган с младенчества рос суровым и молчаливым, весь в своего отца Милоша. Вчера гулял с ним и старшим братом, встречали весну, устал, сердешный. Должен был спать без задних ног... Что с ним? Накинув халат, женщина сунула ноги в домашние шлепанцы и устремилась к сыновьям.

Михо, старший сын, тоже проснулся и недовольно смотрел на возмутителя спокойствия.

— Милый! Что с тобой? — спросила Ольга, склонившись над младшим.

— Головка болит...

Ольга положила ему ладонь на лоб — четырехлетний малыш буквально горел огнем. Внутри женщины что-то сжалось. Огорчаться, паниковать не время... Их семейное правило — не терять присутствия духа и действовать. Волю чувствам можно дать потом.

Она растолкала мужа.

— Милош, у Драгана сильный жар. Бегом к телефону, звони в скорую. Я попробую снять

температуру. — Ольга с силой встряхнула супруга. — Скорее! И никаких «сейчас, только попою кофе». Ма-арш!

Сунув сыну под мышку градусник, она дала ему глотнуть аспирина и положила холодную тряпицу на лоб. Одновременно прислушивалась к происходящему в коридоре, где Милош накручивал диск телефона и непрерывно ругался. Через несколько минут бесплодных попыток он бросил занятие и вошел в детскую с незажженной сигаретой в зубах.

— С ума сойти! Или занято, или вообще трубку не берут. Знаешь... давай кафенисати. Все дети болеют, все и выздоравливают. Потом еще наберу.

Ольгу буквально передернуло. Эта вечная сербская неторопливость, размеренность, «давай сначала попьем кофе, потом решим», абсолютно не подходила к критической ситуации. Раз такое случилось с ребенком, она была готова растерзать любого, кто станет на пути к его спасению.

— Ах ты курац! Звони в скупщину! Или сам беги в больницу! Вытряси бана из постели и спроси: какого дьявола мы его избирали местным главой, если при его власти до скорой не дозвониться?! Действуй!

Сербские женщины традиционного воспитания никогда себе такого не позволяли, но Милош знал, на что шел, когда взял в жены чернооковую красавицу-беженку из восточной части Славии, когда там началась война. Предлагал уезжать и Марине Мережко, ее овдовевшей двоюродной сестре, нашелся бы и той подходящий сербский жених, да стропти-

вица отказалась: работала в больнице Царьграда, не захотела бросать раненых.

Поэтому терпел ругань Ольги, тем более что взрывалась славка редко, в основном из-за детей. Откровенно говоря, по делу.

Милош быстро натянул бриджи, высокие гетры, свитер, накинул кожух и водрузил на голову шубару — круглую овечью шапку. Только на улице закурил и втиснулся в старый итальянский внедорожник — на новенький немецкий зарплаты учителя с двумя детьми никак не хватало.

Улицы городка Високи Планины на юге Сербии были еще пустынные. Навстречу промчалась буквально пара машин, разбрызгивая снег вперемешку с грязью. Показалась карета скорой помощи, такой же старый итальянский паркетник «турин», как у него, только с удлинненным кузовом, с включенной люстрой на крыше; она тоже куда-то быстро ехала. Но не к дому Милоша и Ольги.

Неподалеку от местной управы, или скупщины, движение остановил полицейский. На удостоверение учителя, муниципального служащего, посмотрел косо, без малейшего уважения. С характерным хорватским говорком процедил: в городе вводится чрезвычайное положение, всем надо оставаться дома.

Хоть жена и упрекала порой в тугодумстве, Милош сообразил — про ситуацию расспрашивать не время. Он напустил на себя важный вид и сообщил хорватскому полицая: именно потому и едет в скупщину, его туда вызвали, подняв из постели. Заставник ничего не сказал, только отступил на шаг и отвернулся, позволив ехать дальше.

Городок Високи Планины, до прихода немцев насчитывавший около тридцати тысяч жителей, раскинулся, по европейским меркам, чрезвычайно широко. На каждый дом приходилось не менее полгектара земли, на нем — сад, теплицы, огороды, многие прямо здесь держали овец. Даже муниципальным служащим считалось пристойным работать на земле, оттого в провинции граница между городской и сельской жизнью представлялась весьма размытой. Лишь в центре города плотно соседствовали высокие трех- и четырехэтажные дома: здание скупщины бановины, полицейский околоток, мировой суд, банк, больница, школа, пара училищ. Над всем этим возвышался православный храм. Дальше тянулась торговая улица, упиравшаяся в резиденцию лейтера с казармой его отряда, сейчас это были хорваты, наихудший вариант. Чехи и поляки тоже чужаки, но не ведут себя столь вызывающе, как эти «братья». Почти та же балканская славянская нация, но считающие себя выше, «европеистее», а сербов — унтерменшами, хоть с точки зрения кайзеровских властей сами хорваты ничем не лучше сербов или черногорцев, разве что более лояльны к власти Берлина.

Над управой ветер шевелил кайзеровский флаг. У входа кипела суeta. Милош захлопнул дверцу машины и, не успев ступить даже пару шагов, догадался: никакого порядка, хваленного германского орднунга здесь нет и в помине. Люди мечутся, не зная, что делать.

— Не подходи! — выставил вперед ладонь очередной полицейский, на этот раз местный и знакомый. — Милош Благоевич?

— Да, брате. Что стряслось?
— Эпидемия. У тебя в семье есть заболевшие?
— Сын четырехлетний. Высокая температура, не могу вызвать скорую...

— Больница переполнена. Немедленно уходи! Закрой лицо, брате. Говорят, передается воздушно-капельным. Включи и слушай местное радио. Скажем, что делать. Двигай бре!

В это утро все им помыкали — и жена, и оба встреченных полицаая... Закурив вторую сигаретку, не принесящую ожидаемого удовольствия от затяжки, Милош захлопнул дверцу своего «турина» и включил передачу. Проехал мимо аптеки с захлопнутыми ставнями и табличкой «Затворено». Наверно, не откроют и днем, если боятся заражения: в первую очередь за лекарствами потянутся из семей, где уже есть инфицированные.

Но что сказать жене? Ждать инструкций по радио? Это даже звучит смешно. Вроде тех наставлений «Задержи смиренность», то есть сохраняй спокойствие, повторявшихся рефреном, когда германская армия оккупировала страну. Сербские войники, разгромленные за три дня в пограничном сражении, ничего не могли противопоставить оккупантам.

Дома его встретила необычная тишина. Скинув кожух, шубару и опанки, Милош бросился в спальню к детям. Кровать Михо пустовала. Ольга недвижно застыла соляным столпом около младшего. На щеке засохла дорожка слезы. Мальчик лежал лицом вверх, не плакал. Казалось, мирно заснул. В уголке приоткрытого рта белела загустевшая пена. Но он не дышал.

— Я услала Михо на чердак, изолировала, — деревянным голосом молвила женщина. — Это какая-то очень быстрая инфекция.

Милош выронил сигарету. Диким усилием воли подавил в себе порыв броситься к сыну, трясти его, умолять очнуться в безумной надежде, что он начнет дышать, сердце начнет биться... Он еще наверняка теплый, практически как живой...

Глаза покрылись влагой. Утерев предательские слезы, мужчина выдавил:

— Что делать? Ты же работала в больнице Царицыно!

— В бухгалтерии. Открываем все окна. Я мою полы. Драгана придется завернуть в клеенку и вынести на улицу, на холод. Потом сколотишь ему гробик... Сможешь?

Милош кивнул и бросился прочь, чтоб только не видеть мертвенно-бледное личико своего дорогого дечко. Хоть чем-то себя занять.

Ольга, закончив уборку, посмотрела на настенные ходики. Восьмой час. В Царицыно уже девятый. Если Марина не на дежурстве, должна еще быть дома.

Впервые за много месяцев, пожалуй даже год прошел, как между сестрами пробежала черная кошка, подошла к телефонному аппарату и заказала международный разговор по срочному тарифу, немедленно, назвав нововаряжский телефонный номер. Соединили их быстро.

— Алло? — прозвучал в наушнике родной голос.

— Марина! — закричала Ольга. — У нас беда. Эпидемия. Драган умер. Наша местная власть,

смадна курва, даже не чешется, только заставляет сидеть по домам. Прости, что так вышло в прошлый раз... Но надежда только на вас и, быть может, на Варягию. Если не вмешаетесь, мы покойники.

Она зарыдала.

— Сделаю, что смогу, — пообещала Марина. — Держись, сестричка! Свяжемся.

В наушнике запиликало. Ольга положила на аппарат трубку, села и стала стирать слезы с лица. Несмотря на весь ужас происшедшего, на душе слегка полегчало. Марина поможет... Сестре повезло выйти замуж во второй раз, и чрезвычайно удачно — за молодого князя, волхва, вхожего, как говорят, к самому государю императору Варягии... Но даже если они согласятся вмешаться, их помощь может оказаться слишком запоздавшей.

Маленькому Драгану уже не помочь....

* * *

Марина отдернула от трубки телефона внезапно похолодевшие пальцы. Казалось, невинный кусок пластика с торчащей антенной таит внутри змею, готовую укусить. Да чего уж там, укусившую. С тех пор как Николай пошел на поправку после облечения, в их дом практически не докатывалось тревожных новостей. Дети росли. Жизнь наладилась, воспоминания о времени, когда всего в нескольких десятках километров проходила линия фронта, кипели бои, а в больницы Царицыно потоком везли раненых, ушли в прошлое как давно пережитый кошмар. Телевизор вещал, что и в воссоединенной с Варягией Славии все понемногу налаживается.

Если кто и против новой власти, невозможно отрицать очевидный факт: мир лучше войны. Как минимум, намного комфортнее.

До выхода на работу буквально пара минут... Рискуя опоздать, Марина открыла ноутбук и бегом просмотрела заголовки новостей — местных, столичных, европейских. Об эпидемии в Сербском протекторате Германской империи — ни слова. Вообще. Что делать? Значит, не поступило никаких официальных сигналов. Не исключено, в Москве, в Царицыно и в Борисфене еще никто не в курсе случившегося.

А вдруг Ольга наврала? Конечно, она потрясена смертью сынишки, но эпидемия... Как ни горестно сознавать, но маленькие дети умирают и от обычных болезней, от того же менингита. Он развивается быстро, с высокой температурой.

Доверия к сестре немного. Прошлой зимой встретились в Борисфене, думали посидеть, навеститься к старым знакомым, посетить могилы родителей... Но Ольге словно шлея под хвост попала. Она помнила город на Днепре в годы юности, когда ходила в свой экономический университет, была молодой, трава была зеленее, вода пожиже, открыты тысячи дорог и любые преграды кажутся пустяковыми. Теперь бывшая столица Славии, ныне — резиденция варяжского генерал-губернатора, пообветшала. За прошедшие после войны месяцы она получила кое-какие инвестиции, но правительство Варягии не спешило обрушить на некогда мятежный регион золотой дождь. Важно было установить порядок, свести безудержную коррупцию

до умеренно терпимого уровня (ни в одном государстве без этой беды не обходится) и только тогда давать деньги, чтоб не разворовали буквально на следующий день. Империя занималась инфраструктурой городов, ремонтировала то, на что бывшее руководство Славии не обращало внимания — электростанции, сети, дороги, мосты. Это не бросалось в глаза. А ночные клубы, рестораны, варьете и прочие развлечения, популярные прежде в Борисфене, варяжских чиновников не волновали. Заодно не стало богатых нуворишей — кто-то уехал за границу, а кто и присел на долгий срок. Заведения стали закрываться. Оттого жизнь в Борисфене показалась Ольге серой.

Ужас первых недель гражданской войны, когда погиб первый муж Марины, а Ольга, закончив заполнять бухгалтерские бумажки, бежала в процедурную помогать в обработке ран, был для младшей двоюродной недолгим. В числе пациентов волей случая оказался красавец-серб, высокий сероглазый мужчина с орлиным профилем и неотразимой улыбкой под коротко стриженными усами. Он-то и увез Ольгу на родину — через Варягию, дальше по морю до Румынии.

О расстрелах сербов, чем промышляли хорватские и мадьярские карательные отряды, закатывая в асфальт даже призрачные помыслы о сопротивлении, эмигрантка знала лишь со слов, а свидетельницей их не стала и не приняла близко к сердцу. К ее приезду ситуация устаканилась. Более того, немцы и их ставленники, устранив королевскую власть и государственную скупщину (парламент),